

КЭТИ М. ДИ

ТАЙНЫ

ЧЕРНОГО ОМУТА

Кэти Ди Тайны Черного Омута

<https://litres.ru/74669867>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую Ночь Ивана Купалы Чёрный омут забирает одну из деревенских девушек.

В народе верят, что это Млада — стигнувшая здесь красавица — обратилась в русалку и утягивает невинные души на дно.

Скромная Любава всегда держалась подальше от реки, укрываясь в тепле избы. Но в очередную купальскую ночь вода сама находит её. Девушка едва не тонет, но её спасает влюбленный — парень с горячими руками и верным сердцем. Вот только из ледяного омута Любава выносит жуткую находку — разорванные алые бусы.

С этой секунды она начинает слышать зов реки. Настоящая русалка ищет не случайных жертв, а правосудия.

Связав себя с Любавой через коралловую нить, Млада ведет ее по следу страшной правды.

Любаве и Богдану предстоит помочь духу свершить возмездие. Но кто скрывается под маской речного проклятия и какую цену придется заплатить за встречу с истинным чудовищем, живущим среди людей — не знает никто.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Гл	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кэти Ди

Тайны Черного Омута

Глава 1

Узелок на память

Сухие стебли полыни, подвешенные к потолочной балке, едва заметно покачивались от сквозняка. В избе пахло обжиг-ным, мирным теплом: остывающей печью, сушёными ягода-ми черники и топлёным воском. На Ивана Купалу сумерки ложились на деревню неохотно, увязая в густом сиреневом тумане, выползавшем из низин. За бревенчатыми стенами уже слышался девичий хохот, треск первых костров и дале-кие, протяжные напевы, от которых у молодых девок сладко замирало сердце.

Шестнадцатилетняя Рада вертелась перед тусклым зер-кальцем, топорща пальцами свежесплетенный венок. Жёл-тые болотные кувшинки, впряденные между стеблей осоки, казались маленькими солнцами в её тёмных волосах.

— Бабушка, ну посмотри же, ровно ли? Девочки у Чер-торога уже косы распускают, а я всё в четырёх стенах сижу! — Рада нетерпеливо притопнула босой ногой по гладко вы-струганной половице.

Старая Любава сидела у окна, держа на коленях веретено.

Её пальцы — сухие, покрытые сеточкой тёмных вен, но на удивление лёгкие — мерно скручивали серую овечью шерсть в бесконечную нить. Женщина не подняла взгляда, но прятка на мгновение жалобно скрипнула.

— К Черторогу, говоришь? — голос бабушки прозвучал тихо, словно шуршание сухой листвы под шагами. — Недоброе место выбрала молодежь для игрищ. Стороной его обходить надо. Особенно сегодня.

— Да брось ты, бабуль! — Рада обернулась, всплеснув руками. — Вся деревня туда идёт. Парни костры разожгли, через огонь прыгать будут. Богдан обещал мой венок из воды достать, если течению не унесёт. Русалок твоих бояться — в лес не ходить. Это же просто сказки, чтобы маленьких пугать, будто утянет кто на дно!

Любава медленно отложила веретено. Нить замерла. В избе воцарилась такая глубокая тишина, что стало слышно, как в углу бьётся о стекло запоздалый ночной мотылёк. Старая женщина поднялась, опираясь на клюку, и подошла к внучке. Её ладонь, пахнувшая ржаной мукой и чабрецом, легла на плечо девушки. Рука была горячей, но от этого прикосновения Радугу почему-то пробрал озноб.

— Сказки, говоришь... — Любава посмотрела внучке прямо в глаза. Взгляд старухи, обычно мутный от старости, сейчас казался пугающе ясным, глубоким, точно озёрная вода перед грозой. — Сказки сказывают для забавы, Рада. А то, что в реке живет — из боли рождено. Из девичьих слёз,

которые некому было утеретьь.

Бабушка подвела внучку к лавке и мягко усадила рядом с собой. За окном на мгновение вспыхнуло далекое зарево купальского костра, и по бревенчатой стене метнулась длинная, кривая тень.

— Послушай меня, — не терпящим возражений тоном произнесла Любава. — Пятьдесят зим назад в этих краях жила девица по имени Млада. Песни пела так, что птицы затихали, а коса у неё была чёрная, точно крыло ворона в ночи, и тянулась до самых пят. На Ивана Купалу пошла она с подружками к реке венки пускать. Да только обратно её бабушка так и осталась пустой... Старейшины тогда говорили — оступилась, мол, в омут провалилась, водяной забрал. Но река не берёт живых просто так, внучка. Река прячет то, что люди на земле скрыть пытаются.

Рада притихла. Задорный дух Купалы, рвавшийся наружу, вдруг уступил место липкому любопытству. Она перевела взгляд на венок в своих руках. Намокшие стебли осоки внезапно показались ей слишком холодными.

— И что с ней стало? — шёпотом спросила девочка.

— Настоящая русалка — это не чудище из заморских книжек с рыбьим хвостом, — Любава качнула головой, и её серый повойник зашуршал. — Это дух неприкаянный. У славянской русалки ноги человеческие, да только ступают они по траве, не оставляя следа. Волосы у неё распущены, зеленым илом пахнут, а глаза мёртвые, прозрачные, как лёд по

весне. Млада так сильно любила жизнь и своего суженого, что обида чёрная не пустила её душу в Навь, к предкам. Всю свою боль она в месть обратила. И с тех пор каждую купальскую ночь она выходит на берег. Ищет того, кто отнял у неё счастье. Но горе тому, кто окажется у воды один, когда туман застелет камыши...

Старуха замолчала, словно прислушиваясь к звукам снаружи. А Рада, затаив дыхание, ждала продолжения. Бабушка, слегка посмотрев на внуку, продолжила.

Глава 2

Чёрная коса, алая лента

Пятьдесят зим назад земля дышала иначе. Лето в тот год выдалось щедрым, источающим зной и сладкие ароматы наливных трав. Деревня Черноречье утопала в зелени, а над соломенными и тесовыми крышами изб с раннего утра вилась густой, аппетитный дым. В каждом доме звенели девичьи голоса, хлопали печные заслонки. Хозяйки пекли праздничные караваи, растирали в деревянных ступах мак, цедили хмельной мед и вытаскивали из погребов укупоренные кувшины с ягодными наливками. Все готовились к великой ночи, когда солнце соединяется с водой, а граница между миром живых и миром духов становится тонкой, словно паутинка.

Среди всех дев Черноречья Млада росла особенной. Природа наградила её красотой редкой, приковывающей взгляд. Кожа у неё была белая и чистая, словно лепесток речной лилии, а волосы — чёрные, матовые, точно вороново крыло в безлунную ночь. Тяжёлая коса Млады спускалась ниже талии, и когда девушка распускала её, казалось, будто само ночное небо укутывает её плечи мягким шелком. Голос её, чистый и звонкий, обладал удивительной силой: когда она пела на рассвете, возвращаясь с лесного пастбища, затихали даже самые голосистые птицы.

Любила Млада крепко, преданно, как любят лишь раз в жизни. Её суженым был Яромир — статный, широкоплечий парень, первый помощник кузнеца. От его открытого взгляда и доброй, тёплой улыбки у Млады всегда сладко замирало сердце. Всю весну и начало лета они заглядывались друг на друга, таясь от строгих родительских глаз на окраине безбрежного ржаного поля, где колос уже наливался тяжёлым золотом.

Накануне праздника, когда полуденное солнце лениво катилось к закату, Яромир подстерёг Младу у старой плакучей ивы, склонившей ветви к самой воде. Девушка несла охапку только что срезанного лугового разнотравья для праздничного венка. Парень шагнул из тени деревьев, перегородив ей тропинку. Его ладони, горячие, мозолистые от кузнечного молота, бережно, но крепко сжали её тонкие запястья. На траву полетели стебли зверобоя и ромашек.

— Поймаю твой венок сегодня, Млада, — тихо, но так твёрдо, что у неё перехватило дыхание, пообещал он. — Глаз не сомкну, из воды выловлю, хоть бы река его на самую середину утащила. А как огонь купальский осядет, к твоему отцу в избу пойду. Поклонюсь в ноги, сватов зашлю. В жёны тебя возьму перед всей общиной, и никакой иной судьбы мне не надо.

Млада вспыхнула, опустила длинные ресницы, но рук не отняла. Она лишь теснее прижалась к его широкой груди, вдыхая родной запах железной окалины, дыма и нагретого

солнцем ситца рубахи.

— Гляди, Яромир, слов на ветер не бросай, — прошептала она, улыбаясь. — Река в эту ночь шутить не любит. Коль пообещал — держись за своё слово крепче, чем за рукоять молота.

Ближе к сумеркам на песчаном косогоре, у самого обрыва, где русло реки делало крутой изгиб, закипела настоящая работа. Сюда сошлись все деревенские девки. Они расселись кружками прямо на сочной, прохладной траве, рассыпав перед собой охапки цветов. Воздух наполнился густым, одуряющим ароматом полыни, чабреца, папоротника и дикой мяты. Руки девушек так и порхали, переплетая гибкие стебли. Каждое растение вплеталось не просто так, а со смыслом, с тайным заговором на здоровье, красоту и, конечно, на суженого.

— Эй, Млада, чего притихла? — окликнула её разбитная, круглолицая Дарёна, ловко вплетая в свой венок синие головки васильков. — Твой-то Яромир, небось, уже у костра рубаху праздничную оправляет. Гляди, мой братец Микула грозился твой венок первым перехватить!

Девки дружно захихикали, переглядываясь. Млада лишь качнула головой, не отрываясь от работы. Она бережно укладывала стебель к стеблю, выбирая самые сочные кувшинки и болотную осоку. Контраст между её белоснежными пальцами и тёмно-зелёными листьями казался почти колдовским. Из кармана сарафана она достала узкую, свернутую жгутом

ленту из дорогой алой ткани — подарок матери.

— Пусть твой Микула другие венки караулит, — со спокойной улыбкой ответила Млада, протягивая ленту сквозь тугую косу травы. — Мой венок Яромир из тысячи узнает. Видишь эту ленту? Она как кровь горячая, далеко в тумане гореть будет. Я её с самого краю вплету, чтобы на воде узелком завязалась. Да и пускать я его буду не со всеми.

— Это ещё почему? — удивилась Дарёна, откинув за спину русую косу. — Вместе же веселее, песни петь станем, реченьку ублажать.

— Отойду я пониже, к Черному омуту, где камыши гуще, — тихо пояснила Млада, и от её слов по девичьему кругу пролетел лёгкий вздох. — Там течение тише, венок кружить не будет, сразу в руки Яромиру пойдет. А здесь, в общей куче, мужики только переругаются да огни потушат.

— Ой, Млада, не ходила бы ты к Черному омуту в одиночку, — покачала головой старшая из девок, рассудительная замужняя баба по имени Мирослава, сидевшая чуть поодаль с маленьким сыном на руках. — Место там душное, коряжистое. Старики сказывают, водяной там хозяин полный, не любит, когда его покой тревожат в такую ночь.

— Не боюсь я водяного, тётка Мирослава, — отмахнулась Млада, затягивая последний узел на алой ленте. — Моя любовь сильнее любого страха.

Тем временем ночь окончательно вступила в свои права, укрыв Черноречье темно-синим бархатным покрывалом. На

самом высоком утесе, уходящем круто вниз, мужики и парни наконец подожгли огромные купальские костры. Огромные столбы оранжевого пламени с треском и гулом взвились в потемневшее небо, рассыпая мириады багровых искр, которые таяли в кронах вековых сосен. Запахло дёгтем, паленой соломой, жареным на вертелах мясом и хмельным мёдом.

Молодежь, подхватив друг друга под руки, закружилась в яростных, быстрых хороводах. Барабаны и жалейки выводили дикий, первобытный мотив. Парни с улюлюканьем и криками перелетали через бушующий огонь, соревнуясь в силе и ловкости. Девки, раскрасневшиеся, с горящими глазами и растрёпанными волосами, поддразнивали их, бросая в самое пекло охапки горькой полыни, чтобы отогнать лешаков и русалок. Воздух буквально звенел от заливистого смеха, громких напевов и пьянящего предчувствия чуда. Яромир несколько раз пытался поймать Младу в хороводе, но она лишь ускользала, одаривая его лукавым взглядом из-под ресниц, обещая всё рассказывать позже.

Когда луна поднялась в самый зенит, окрасив выползающий из низин речной туман в призрачный, серебряный цвет, безумное веселье на холме начало стихать. Пришло время главного, священного таинства ночи.

Девушки, внезапно затихнув, потянулись к реке длинной, безмолвной вереницей. Они шли медленно, благоговейно неся перед собой сплетенные венки, точно величайший дар. На берегу они остановились. Млада, как и замышляла, неза-

метно отделилась от общей толпы. Скользнув тенью мимо прибрежных кустов раkitника, она ушла далеко вниз по течению — туда, где Чёрный омут дышал сыростью и вековым холодом. Туман здесь был настолько плотным, что скрывал колени.

Одна за другой девицы на главном пляже зажигали маленькие восковые свечи, закрепленные в центре венков, и осторожно, стараясь не поднимать брызг, заходили по колено в прохладную воду. Они опускали свои надежды на зеркальную гладь. Река мгновенно подхватывала плывущие огоньки, унося их вниз по течению. Со стороны казалось, будто ночное небо перевернулось, и сотни звёзд медленно поплыли по чёрной воде.

Млада стояла у камышей Чёрного омута совершенно одна. Пахло гнилой тиной, болотной сыростью и распускающимися кувшинками. Вода у берега казалась неподвижной, маслянистой. Девушка достала кресало, зажгла свою свечу. Огонёк мягко осветил её бледное, счастливое лицо и чёрную, как сама ночь, косу. Она опустилась на корточки, собираясь опустить венок с алой лентой в воду, как вдруг за её спиной хрустнула ветка.

Млада вздрогнула и обернулась, думая, что это Яромир пришёл раньше времени.

— Яр, это ты?.. — тихо позвала она.

Из густого тумана, бесшумно раздвигая мокрые ветви ивы, вышла грузная фигура. Млада взгляделась и почувство-

вала, как внутри неё всё сжалось от внезапного, липкого страха. Это был не её жених.

Прошёл час. Костры на высоком берегу начали заметно оседать, превращаясь в огромные кучи дышащих жаром, багровых углей. Яромир, устав искать Младу среди шумной толпы угасшего хоровода, поспешил к реке. Веселье поутихло, пары с тихим шёпотом расходились по лесной чаще в поисках мифического цветка папоротника. Парню стало не по себе — грудь сдавило душным, тяжелым предчувствием беды. Он пошёл вдоль кромки воды, пробираясь сквозь мокрую от росы, колючую осоку туда, к дальним камышам Чёрного омута, куда ушла его любимая.

— Млада! — позвал он сначала негромко, не желая пугать ночную тишину и привлекать внимание чужих людей.

Река ответила лишь ленивым шуршанием камышовых стеблей. Туман над водой сгустился настолько, что стал плотным и белым, как парное молоко, скрывая противоположный берег.

— Млада! Отзовись! Хватит таиться, праздник кончился! — крикнул Яромир громче, и его сильный голос сорвался на тревожный, испуганный фальцет.

Он шёл вперёд, едва ли не по пояс проваливаясь в береговую жижу, и напряженно вглядывался в молочно-белую гладь реки, пока глаза не зарезало от напряжения. Вокруг стояла мёртвая, неестественная тишина. Вдруг туман на середине реки на мгновение колыхнулся и разошёлся, слов-

но чья-то невидимая, бледная рука раздвинула тяжёлый занавес далеко от берега, на самой глубине омута. Там, среди темных, едва колышущихся волн, Яромир отчетливо увидел очертания человеческого тела. Распушенные черные волосы широким пятном расплывались по воде вокруг пугающе бледного лица. Какое-то мгновение ему показалось, что Млада смотрит прямо на него своими прозрачными глазами.

— Млада!!! — дикий, нечеловеческий крик вырвался из самой глубины груди кузнеца.

Не помня себя от ужаса, он сорвался с песчаного обрыва, ломая кусты и сдирая кожу на руках. Тяжёлые сапоги глубоко увязли в береговом иле, но Яромир даже не заметил этого, с ходу бросаясь в ледяную воду. Сырой холод Черного омута мгновенно обжег его разгоряченное тело, в лёгкие ударил резкий запах болотной гнили и сорванных кувшинок. Парень отчаянно, изо всех сил забил руками по воде, плывя туда, где только что виделась ему любимая. Вода казалась тяжелой, густой, словно невидимые путы держали его за ноги, утягивая вниз и не пуская вперед.

— Млада, держись! Я здесь! Я спасу! — хрипел он, захлебываясь горькой речной водой.

Он доплыл до того самого места на середине омута, где туман только что расступался. Но вокруг была лишь пустота. Вода качалась равнодушно и гладко. Яромир набрал в лёгкие побольше воздуха и нырнул в чёрную, непроглядную глубину. Он шарил руками вслепую, цепляясь за скользкие, длин-

ные стебли водорослей, похожие на мёртвые пальцы, погрузился до самого дна, хватая ил. Никого.

Он выныривал, тяжело и шумно дыша, снова кричал, сходя с ума от надвигающегося безумия, и снова уходил под воду, пока в глазах не заплескали кровавые круги. Река упорно молчала, надёжно скрывая свою страшную добычу.

Когда он, полностью обессиленный, заоченевший от холода и бледный как смерть, в очередной раз поднялся на поверхность, туман снова сомкнулся вокруг него плотной стеной. И лишь чуть поодаль, лениво покачиваясь на мелких волнах, медленно уплывал в темноту одинокий девичий веночек. Свеча в нём уже давно погасла, но в ночной темени, под бледным лучом луны, отчетливо виднелась мокрая алая лента, вплетенная между увядающих, пахнущих тиной кувшинок. Она тянулась по воде вслед за венком, словно тонкий след пролитой крови.

Глава 3

Тень над Черноречьем

После той страшной купальской ночи, когда река поглотила Младу, Черноречье словно подменили. Прежняя безмятежность улетучилась. Первое время Яромир ещё бродил по берегу, бледный, с запавшими глазами, безумно вглядываясь в речную гладь. Он порывался уйти в лесное отшельничество, но тоска иссушила его быстрее, чем пришла осень, и к зиме парень покинул деревню, уйдя на дальние прииски, подальше от Чёрного омута, разбившего его жизнь.

Деревня пыталась жить дальше. Женщины по-прежнему пекли хлеб, мужчины пахали землю, но стоило солнцу коснуться верхушек сосен, как ворота запирались на тяжёлые засовы.

Прошёл год. Страх немного притупился, ведь человеческая память устроена так, что стремится поскорее забыть дурное. Снова наступило лето. На Ивана Купалу старейшины строго-настрого запретили девкам ходить к Чёрному омуту, да и костры разожгли на другом конце деревни, у полей. Но наутро Черноречье содрогнулось от нового страшного известия.

Из своей постели исчезла шестнадцатилетняя Алёна, дочь мельника. Окна избы были распахнуты, на подоконнике осталась лишь веточка мокрой речной осоки, а сама девица

словно растворилась в предрассветном тумане.

Её искали три дня. Вся община прочесывала камыши и прибрежные леса. Мужики заходили в воду с длинными шестью, но река оставалась тихой и пустой. Во главе поисковых отрядов неизменно шёл сам староста — Ратибор. Он, казалось, переживал семейную трагедию мельника как свою собственную. Его зычный голос разносился над рекой, отдавая приказы, а на широком лице лежала печать глубокой скорби.

На четвёртый день, когда измученные люди собрались на площади у ратуши, Ратибор вышел к общине. На нём была строгая тёмная кафтан-рубаша, подпоясанная широким кожаным ремнем. Он тяжело оперся о деревянные перила крыльца и обвёл толпу суровым взглядом.

— Не нашли, православные, — хмуро уронил староста, и среди баб пронёсся горький, надрывный плач. — Все камыши до Чёрного омута баграми исходили. На дне только ил да коряги.

— Да как же так, Ратибор Степанович?! — закричал обезумевший от горя мельник, разрывая на груди холщовую рубашу. — Человек ведь не иголка! Зверь ли подрал, разбойники ли из лесов Чёрного бора нагрянули? Вон, на прошлой неделе сказывали, видели у брода чужих людей на конях!

Ратибор медленно покачал головой, и в его густой бороде мелькнула горькая усмешка. Он поднял правую руку, призывая к тишине. На его большом пальце тускло блеснул тяжё-

лый золотой перстень с багровым, будто запекшаяся кровь, камнем.

— Разбойники, говоришь, Потап? — голос старосты звучал весомо, успокаивающе, как рокот далекого грома. — Коли бы разбойники, так они бы амбары твои вскрыли, коней увели, добро прихватили. А тут — ни следа подкованного копыта, ни сломанной ветки у забора. Зверь? Лесной хозяин тело бы в чашу уволок, кровь бы осталась. А у тебя в избе чисто, только вода речная на полу подсохла.

В толпе испуганно охнули. Бабы начали креститься и шептаться, прижимая к себе испуганных детей.

— Млада это... — раздался из задних рядов дрожащий старушечий голос. — Неупокоенная душа её из омута выходит. Завидует чужому счастью, вот и утягивает девок к себе, в подводные дебри! Нам волхвы сказывали, что коли девица на Купалу сгинет без покаяния, она русалкой оборачивается!

Ратибор тяжело вздохнул, прикрыв на мгновение глаза, словно эта мысль причиняла ему физическую боль.

— Грех это, матушка, на духов всё валить, да только против правды не попрешь, — тихо, но так, чтобы слышал каждый, произнес староста. — Сами знаете, Чёрный омут — место гиблое, дедовскими проклятиями окутанное. Видно, Млада обиду на весь наш род держит, что Яромир её спасти не успел. Отныне наказываю строго: к реке в купальскую ночь — ни ногой. Кто ослушается — самолично розгами на площади накажу. Не для себя прошу, ради дочерей ваших!

Слова старосты легли на душу крестьян тяжёлым камнем.

Шли годы. Два, три, пять лет... История повторялась с жуткой, неизбежной точностью. Каждую Ночь Ивана Купалы река забирала свою страшную дань. Девушки пропадали без шума, без криков, не оставляя после себя ничего, кроме мокрых следов или увядшего венка на воде. Жители Черноречья окончательно смирились со своей горькой участью, считая это проклятием, от которого нет спасения.

Глава 4

Молчальница у тихой воды

Со дня исчезновения Млады, первой жертвы Чёрного омута, утекло уже долгих семь лет. За это время страх, сковавший Черноречье, успел подернуться пеплом забвения. Жизнь брала своё: последние два года река оставалась спокойной, ни одна девица больше не сгнула в её туманных сырых объятиях. В деревне облегчённо вздыхали и шептались на завалинках, дескать, русалка наконец наелась чужой бедой, забрала своё и утихомирилась. Старики качали головами, передавая из уст в уст новые слухи: кузнец Яромир, так и не сжившийся со своим горем на дальних приисках, тяжело занемог от тоски и умер прошлой зимой. Люди верили, что их разлученные души наконец встретились в запредельной Нави, а коли так, то и мёртвая дева больше не станет губить безвинные живые души.

Черноречье снова с размахом, без прежней оглядки на омуты, готовилось к Ночи Ивана Купалы. Девки сушили травы, парни ладили бревна для костров, и пред праздничный дух кружил головы всей молодежи.

Всец, кроме Любавы.

В то лето ей исполнилось семнадцать — возраст, когда по славянским меркам девице пора было заплетать косу с лентами посватававшихся парней и задумываться о собственном

семейном очаге. И природа не поскупилась, наделяя Любаву красотой, от которой у деревенских парней перехватывало дыхание. Из хрупкого замкнутого ребёнка она расцвела так, что затмевала первых красавиц Черноречья. Кожа у неё была нежная, чистая, точно первый весенний снег, едва тронутый тёплым солнцем. На бледном точеном лице особенно ярко выделялись огромные, полные глубокой затаенной грусти глаза цвета спелого ореха. Длинные густые волосы оттенка темного мёда мягкими волнами спускались по плечам, и в них Любава любила вплетать мелкие белые лесные цветы. Тонкий стан, изящные руки, скромная, чуть робкая походка — она казалась сошедшей со старинных икон девой. Носили бы её на руках, если бы не одно «но».

Любава была молчаливой.

Она почти ни с кем не разговаривала, сторонилась шумных сборищ и девичьих хороводных кругов. В то время как её сверстницы хохотали у колодца и примеряли расшитые сарафаны, Любава могла часами сидеть неподвижно, уставившись в одну точку, словно прислушиваясь к шепоту, который никто, кроме неё, не слышал. За эту отрешенность в деревне её считали странной, блаженной, а иные завистливые языки и вовсе шептали в спину обидное: «Лешаково отродье».

Отец Любавы, крепкий плотник сурового нрава, и матушка, хлопотливая, уставшая от домашних забот женщина, сочетали в себе гордость за невиданную красоту дочери и глу-

бокий, грызущий страх за её будущее.

В тот предкупальский полдень в избе пахло свежеспечённым, пышущим жаром ржаным хлебом. Матушка только-только достала из печи румяный каравай, укрыв его чистым полотенцем, чтобы дошёл. Любава сидела у окна, аккуратно расправляя подол белой холщовой рубахи, украшенной сложной багряной вышивкой — обережными узорами, которые мать упрямо выводила на ткани ради защиты дочери от дурного глаза.

— Опять сидишь, ровно деревянная? — матушка тяжело вздохнула, вытирая загорелые руки о передник и садясь на лавку напротив. — Слышишь, девки на улице поют, венки плести собираются? А ты хоть бы словом обмолвилась, хоть бы сарафан праздничный достала. Семнадцать зим тебе, Любава! Года-то идут, не успеешь оглянуться, как в старых девах останешься. Мужики на тебя смотрят, заглядываются, да подступиться боятся — ровно к покойнице ледяной.

Любава медленно подняла свои тёмные глаза на мать, но промолчала, лишь крепче сжала пальцами край вышитого рукава.

— Что ты молчишь всё, язык откусила? — в избу вошёл отец, неся охапку свежеструганных сосновых досок. Пахло смолой и мужским потом. Он сгрузил ношу у печи и строго посмотрел на дочь. — Слышал я, Любава, опять ты вчера к Чёрному омуту ходила. Сколько раз говорено: не смей шаг делать к той воде! Хоть два года река и спит, а береженого

Бог бережет. Неровен час, проснётся водяная нечисть, кто тебя спасать станет?

— Там тихо, батюшка, — едва слышно, робким шелестом отозвалась Любава. Голос у неё был мягкий, певучий, но пользовалась она им так редко, что родителям показалось, будто изба на мгновение замерла. — Там людей нет. Никто не смеется, пальцем не тычет. Река... она не судит. Она просто слушает.

— Река её слушает! — всплеснула руками мать, и на глазах у неё показались слёзы. — Да река утнет и не поморщится! Ты о нас подумай, об отце, о матери. Нам каково смотреть, как девка родная от мира живых закрывается? На Ивана Купалу пойдешь со всеми, и точка! Венок сплетишь, к костру выйдешь.

Любава ничего не ответила. Она поднялась с лавки, скользнула мимо разгневанного отца и тихо выбежала из избы. Солнечный свет ослепил её, жаркий ветер донес до неё запахи цветущих лугов, но ноги сами, привычно и уверенно, понесли её прочь от деревенских улиц. Туда, где среди высоких камышей и склоненных ив несла свои темные, прохладные воды старая река. Только там, у Чёрного омута, в полном одиночестве, Любава находила истинный покой.

Любава сидела на старом, полусгнившем деревянном мосточке, сиротливо лепившемся к берегу Чёрного омута. Солнце пекло макушку, но здесь, у самой кромки, веяло могильной прохладой. Девушка подогнула подол рубахи и оку-

нула бледные босые ноги в тёмную, пугающе тяжелую гладь реки. Вода обволакивала щиколотки ледяным шёлком. Только тут, в глуши, где камыши стояли стеной, Любава дышала полной грудью.

Вдруг за спиной, в густых зарослях раkitника, оглушительно хрустнула сухая ветка и зашуршала осока.

Любава вздрогнула всем телом. Сердце испуганной птицей забилося в горле. Словно дикая косуля, она мгновенно подскочила на ноги, едва не поскользнувшись на мокрых досках, и резко обернулась, готовая броситься наутёк. Сжав кулаки, она настороженно оглядела прибрежные кусты.

Трава раздвинулась, и из зелёной чащи, неловко переминаясь с ноги на ногу и отводя взгляд, вышел Богдан. На нём была праздничная, угольно-черная рубаха, расшитая по вороту и рукавам сложным багряным узором, плотно перехваченная на поясе широким тканым кушаком с тяжёлыми кистями. Тёмные кудри парня были растрепаны, густые брови чуть сошлись на переносице от смущения. Он выглядел статным, сильным, но сейчас, под испуганным взглядом Любавы, робел точно мальчишка.

— Прости, Любава... Не хотел я тебя напугать, видит Бог, не хотел, — Богдан виновато улыбнулся, запустив пятерню в свои волосы. — Увидел издалека, как ты одна к Чёрному омуту тропкой пошла, ну и... потянуло меня следом. Проверить хотел, все ли с тобой ладно. Время-то предкупальское, недоброе. У воды одной девице стоять небезопасно, са-

ма знаешь.

Любава замерла, не опуская подола рубахи, и продолжала смотреть на него с глубокой, испуганной настороженностью.

Богдан был первым парнем на деревне. Любая девка в Черноречье — от круглолицей Дарены до дочерей богатых зажиточных мужиков — мечтала, чтобы он обратил на неё внимание. Ему уже исполнилось девятнадцать, возраст, когда деревенские парни всюю нянчили первенцев, а Богдан всё ходил в холостяках, напрочь игнорируя хороводы и лукавые девичьи взгляды. Старшие мужики ворчали, матери вздыхали, а он будто ждал чего-то. Точнее — кого-то.

Парень аккуратно, стараясь не делать резких движений, сделал несколько шагов по мосткам и поравнялся с девушкой. Он остановился рядом, плечом к плечу, и уставился на воду. Река была тихой, сонной, лишь легкий полуденный ветерок едва заметно гнал по глади мелкую зыбь, а в вышине мирно пели лесные птицы.

— Удивительно... — негромко проговорил Богдан, качнув головой. — Средь бела дня, под самым солнцем, а гладь у неё всё равно чёрная, точно деготь. А ведь деды сказывали, Любава, что когда-то давно, ещё до Млады, вода в Черноречье прозрачной была, как слеза. Камешки на дне сосчитать можно было.

Любава ничего не ответила. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, Богдан слышит этот стук. Она низко опустила голову, уставившись на свои мокрые пальцы ног, и су-

дорожно, до белизны в суставах, сжала пальцами плотную холщовую ткань сарафана у юбки.

— Пойдешь сегодня к костру, Любава? — тихо, с надеждой в голосе спросил он, поворачивая к ней свое красивое, резко очерченное лицо. — Венок плести станешь ли со всеми?

Девушка упрямо молчала. Набрала в рот воды, как всегда. Но в этот раз она молчала не из-за своей странности и не потому, что не хотела говорить со статным кузнецом. Горло сдавила девичья робость. Ей было до безумия страшно, что кто-нибудь увидит их здесь вдвоём. Если деревенские девки узнают, что молчальница, которую они считают блаженной, стоит рядом с первым красавцем деревни, они возненавидят её ещё сильнее, станут заплевывать след и шептаться за спиной.

Богдан, видя её терзания, вдруг шумно выдохнул и сделал то, чего не позволял себе ни один парень в Черноречье до сватовства. Он нарушил все неписанные правила — протянул руки и бережно, но крепко перехватил её холодные, дрожащие ладони в свои горячие, пахнущие костром и железом.

Любава вздрогнула, словно от удара током. Она замерла, боясь даже вздохнуть, и вскинула на него огромные, полные недоумения и дикого испуга глаза.

— Сплети венки, Любава, — заговорил Богдан, и его обычно уверенный голос сделался хриплым, затаенным, полным обжигающей нежности. — Сплети и принеси к реке. Я

поймаю его, клянусь тебе всеми богами. Из воды выловлю, сквозь любой туман найду. Невестой своей тебя сделаю. На самом рассвете, как солнце из-за леса покажется, приду к твоему отцу в избу, в ноги поклонюсь. К большому костру, где все гуляют, можешь не ходить, коли дичишься. Просто отпусти его в воду ниже по течению... Только ленту свою вплети, чтобы я узнал.

Он медленно, почти благоговейно протянул руку и коснулся пальцами длинной алой ленты, вплетенной в её медовую косу. От этого прикосновения и от рокота его голоса по телу Любавы крупной волной пробежали мурашки.

В голове у неё все смешалось.

«Почему именно она? — кричал её собственный разум. — Почему он хочет забрать именно её венок? Они ведь никогда не гуляли вместе, не перемолвились и парой слов за всю жизнь. Пожалеет? Из жалости решил взять в жены чудную молчальницу, чтобы спасти от родительского гнева и одиночества?»

— Нравишься ты мне, Любава, — будто прочитав её горькие мысли, горячо отозвался Богдан, сжимая её ладони чуть сильнее. — Давно уже нравишься, сил моих больше нет таиться. Только тебя на всех праздниках глазами ищу. На других девок и не смотрю вовсе, не милы они мне. Ты одна в моём сердце.

Любава не успела даже осмыслить эти слова, как Богдан окончательно преодолел все запреты. Он подался вперёд, на

мгновение коснулся горячими губами её бледной, вспыхнувшей румянцем щеки, а затем резко отпрянул, развернулся и быстро побежал прочь по тропинке, скрываясь в высокой траве.

Девушка осталась стоять на мостках, едва ли не задыхаясь от нахлынувшего волнения. Грудную клетку распирало от бешеного стука сердца. Она ошеломленно смотрела на примятую траву, где только что исчез его широкий силуэт, а затем медленно поднесла дрожащую ладонь к щеке. Кожа в месте поцелуя горела так, словно к ней приложили купальский уголёк.

Любава густо, до самых ушей покраснела от смущения, и впервые за долгие годы на её губах появилась слабая, чистая и невероятно красивая улыбка. Сердце пело.

«Нравится... Я ему нравлюсь», — крутилось в ее мыслях. А внутри рождалось ответное, пугающее своей силой чувство — ведь Богдан и ей самой тайно нравился так сильно, что дышать становилось трудно, стоило ему пройти мимо по деревенской улице.

Она так и стояла у воды, упиваясь своей маленькой тайной, и не видела, что с противоположного берега, из густого, тёмного сплетения раковых кустов, за ней пристально наблюдают чужие глаза.

Взгляд этот был тяжёлым, липким, полным животной, яростной злобы. Фигура, затаившейся в тени, сожрала глазами фигуру Любавы, а затем перевёл взгляд на тропинку, по

которой убежал Богдан. В его душе вскипела чёрная, ядовитая зависть. Этот хищник привык получать всё, что хотел, и делить молодую молчальницу с безродным кузнецом он не собирался.

«Ишь чего удумал... — пронеслось в его воспаленном мозгу. — Себе заберу. Моей будешь, Любава. Никуда не денешься...»

Кусты тихо сомкнулись, пряча зловещую тень, и бесшумно растворилась в лесной глуши.

Глава 5

Алые бусы Чёрного омута

До самого вечера Любава ходила сама не своя. Слова Богдана, жар его ладоней и обжигающий поцелуй в щёку перевернули всё в её душе. Она закрылась в избушке, распустила медовую косу, позволяя волосам мягкими волнами рассыпаться по плечам, и принялась за работу. Пальцы быстро, но бережно переплетали стебли полыни, зверобоя и речных лилий. В самый центр, как и просил Богдан, она аккуратно вплела свою приметную алую ленту, завязав её крепким двойным узлом.

Весь день она не видела кузнеца, и в её сердце начали подкрадываться тревожные, колющие мысли.

«А вдруг не поймает? Вдруг туман окажется слишком густым, и веноч просто утянет на дно? Или какая-нибудь другая девка прознает и тоже вплетет в свои травы красную ленту, чтобы завлечь первого парня?»

Матушка, заметив, как дочь сосредоточенно и бережно выводит узелок за узелком, всплеснула руками и сердито заворчала:

— Опять за своё, молчальница? Весь день над этой травой чахнешь, ровно приворотное зелье варишь. Не к добру это, Любава, ох не к добру! Сердце моё чует беду.

Девушка ничего не ответила. Она лишь ниже опустила го-

лову, пряча вспыхнувшие щёки, и упрямо продолжила своё дело.

Ночь Ивана Купалы опустилась на Черноречье огненным, безумным заревом. На высоком холме с треском и гулом полыхали огромные костры, озаряя багровым светом пляшущих, смеющихся людей. Звенели жалейки, грохотали бубны, хмельной мёд лился рекой. Молодежь, позабыв про былые страхи, кружилась в неистовых хороводах.

Любава стояла чуть в стороне от общего веселья, прижимая к груди свой венок. Ночной ветер трепал её длинные медовые волосы, бросая пряди на бледное лицо. Многие девки и бабы поглядывали на неё косо, шепчась за спинами. Зато парни, завидев в руках молчальницы венок, уже всю переглядывались и расправляли плечи, готовясь первыми броситься в воду. Многим в деревне очень даже нравилась её нелюдимость. Мужики постарше поговаривали, что с такой женой проблем в жизни не будет: красивая, статная, да ещё и молчит — золото, а не баба! Не то что иные круглолицые хохотушки, которые со временем так занимали своего мужика, что после свадьбы пилили его и колотили скалкой так, что мама не горюй.

Богдан весь вечер крутился неподалеку от Любавы. Он не подходил открыто, но его горячий, неотступный взгляд оберегал её сквозь толпу. Деревенским девкам это страшно не нравилось. Маркуша с подружками, сбившись в кучку, злобно шипели:

— И что он в этой блаженной нашёл? Ни слова из неё не вытянешь, ровно из бревна. Подговорим парней, девки, давайте утопим её веноч, как только она его в воду опустит! Пусть знает своё место.

Но Любава не была глупой. Она видела эти злые взгляды и шепотки. Когда хоровод закружился с новой силой, отвлекая толпу, Богдан на мгновение оказался совсем рядом с ней. Девушка поймала его взгляд и, прежде чем сбежать с шумного кострища, едва слышно, но твердо шепнула:

— Ищи мой веноч в омуте, Богдан...

Она развернулась и быстрой тенью скользнула в темноту, направляясь к Чёрному омуту.

У реки царила леденящая тишина. Пахло сырой тиной, мокрой осокой и болотным холодом. Туман стелелся по воде плотным белым саваном. Любава вышла на старый мосточек, опустилась на колени и осторожно положила веноч на маслянистую чёрную гладь.

Вдруг за её спиной, в густых прибрежных кустах, раздался тяжелый, отчетливый шорох. Девушка резко обернулась и в кромешной темноте наткнулась на чужие, липкие, полные животной ярости глаза, смотревшие на неё из чащи.

От дикого испуга Любава вскрикнула, сердце ушло в пятки. Пытаясь отпрянуть, она оступилась на скользких, подгнивших досках и с головой рухнула прямо в ледяную пасть Чёрного омута. Вода мгновенно сковала легкие, потянула вниз. От поднявшихся волн её веноч отбросило в сторону, и

он застрял в прибрежных корягах и ракушечных ветках.

Богдан в это время уже шёл по тропинке вслед за ней. Понимая, что Любава ушла слишком давно, он не на шутку встревожился. В груди ворочался тёмный страх перед русалочьим проклятием, о котором твердила вся деревня. Выйдя к омуту, он не увидел девушки на мостках, но услышал тяжёлый всплеск и глухой хрип.

— Любава! — рывкнул кузнец и, не раздумывая, прямо в сапогах и праздничной рубахе бросился в ледяную воду.

Он плыл яростно, рассекая тяжёлые волны. Нырнув в зелёную черную бездну, Богдан нащупал под водой хрупкое тело девушки, которая уже теряла сознание. Он крепко обхватил её за талию и рванул вверх, к воздуху. В этот самый момент, уходя со дна, Любава в полузабытии судорожно скребла пальцами по илистому дну. Её рука наткнулась на что-то твердое, и она вцепилась в находку, выныривая вместе с Богданом на поверхность.

Кузнец вытащил дрожащую, захлебывающуюся девушку на песчаный берег. Он усадил её, тяжело дыша, и крепко прижал к своей широкой, горячей груди, пытаясь согреть. Любава судорожно глотала воздух, а в её кулаке были зажаты старые, покрытые речным илом, но пугающе алые коралловые бусы. От них исходил мертвенный, леденящий холод, который тут же тонкой нитью связал душу Любавы с неуспокоенной Младой.

Богдан посмотрел на чёрную, беспокойную воду омута,

которая словно недовольно урчала, упустив добычу. В его глазах горела яростная, непреклонная сила. Он сильнее сжал плечи Любавы и с вызовом прорычал прямо в водную гладь:

— Я тебя так сильно люблю, слышишь?! У самой русалки из лап украду, а тебя не отдам! Не бывать этому! Не забереешь ты ее, не губи жизнь другой, покуда твоя собственная загублена!

Он повернулся к Любаве, перехватил её лицо ладонями и отчаянно, с головой уходя в это живое, спасительное чувство, поцеловал её в мокрые, дрожащие губы.

— Моей будешь, Любава. Слышишь? Моей, — горячо шептал он, обнимая её так крепко, словно хотел закрыть собой от всего мира.

Чуть придя в себя, Богдан обвёл взглядом темный берег и заметил в кустах ракитника застрявший венок с яркой алой лентой. Он бережно опустил Любаву на сухой песок, поднялся и снова твёрдо шагнул в прохладную воду реки, чтобы забрать то, что по праву купальной ночи теперь принадлежало только ему.

Глава 6

Горячая клятва на мокром пороге

До самой избы Богдан нёс Любаву на руках, бережно прижимая к своей широкой груди, словно величайшую ценность. Её мокрая холщовая рубаха облепила тело, волосы длинными сырыми прядями свисали до самой земли, оставляя за ними след из тяжелых капель на пыльной прибрежной тропе. Девушку всё ещё била крупная, непрекращающаяся дрожь, но не столько от ледящей речной воды, сколько от судорожно зажатых в кулаке коралловых бус. Они жгли ладонь мертвенным, потусторонним стужами.

Когда Богдан с пинка распахнул тяжёлую дубовую дверь, родители Любавы вскочили с лавок. В избе всё ещё густо пахло печёным ржаным хлебом, но праздничный уют мгновенно рассеялся. Матушка всплеснула руками, на глазах у неё тут же всплели слёзы, а отец, растеряв всю свою суровость, бросился навстречу.

— Батюшки светы! Любавушка! — запричитала мать, хватаясь за голову. — Мокрая вся, в иле... Богдан, сынок, неужто из омуты вытащил? Спаситель ты наш, век за тебя молиться будем, до гробовой доски не забудем!

Парень аккуратно опустил девушку на лавку у теплой печи, но рук сразу не отпустил, укутывая её плечи сухим шерстяным платком, который тут же подала трясущаяся матуш-

ка.

— Из Чёрного омута, тетка Дарья, — тяжело дыша, ответил Богдан. Его праздничная черная рубаша потемнела от воды, а с сапог на чисто вымытый пол стекали грязные ручейки. — Едва успел. Вода уже затягивать её стала.

— Говорила же я тебе! — матушка, не выдержав, замахнулась на дочь полотенцем, но тут же обняла её за мокрые плечи, заливаясь слезами. — Предупреждали ведь! Зачем опять туда понеслась, упрямая твоя голова? Чуть девку не сгубили, чуть сиротами нас при живой дочери не оставила! Русалка ведь там беснуется, голодная ходит!

Любава, сидевшая ни жива ни мертва, медленно подняла голову. Её ореховые глаза казались огромными на бледном, осунувшемся лице. Она судорожно глотнула воздух, и сквозь сковавший горло спазм выдавила едва слышный, сиплый шепот:

— Там... кто-то был...

Матушка замерла, утирая слёзы рукавом, а отец нахмурился, делая шаг вперёд.

— Конечно был, дочка, — угрюмо отозвался отец, качнув головой. — Русалочье это проклятие, Млада неприкаянная в тумане кружит, мстит живым. Сколько лет об этом твердим!

— Нет... — Любава упрямо мотнула головой, и пара сорвавшихся с волос речных капель упала на раскаленные кирпичи печи, зашипев. — Не в воде. На берегу. Мужчина это был... Человек. Из зарослей шёл. Смотрел на меня. Из-за

него оступилась.

В избе на мгновение воцарилась такая звенящая, душная тишина, что стало слышно, как трещит догорающая лучина. Родители переглянулись с явным испугом: в купальскую ночь встретить чужака у Чёрного омута считалось знамением почище речного духа.

Но Богдан не стал ждать, пока Любава продолжит рассказ. В его груди все ещё бурлила отчаянная, горячая волна — та самая, что заставила его бросить вызов самой русалке. Он решительно шагнул к отцу Любавы и протянул вперёд руку. На его широкой, мозолистой ладони лежал мокрый, пахнущий кувшинками венок с яркой, багряной алой лентой.

— Не время сейчас для пустых страхов, дядька Степан, — твёрдо, без тени сомнения проговорил кузнец, глядя плотнику прямо в глаза. — Венок Любавы я из воды выловил. Перед рекой и перед небом свидетелем стал. Забираю я её в жёны.

Матушка аж ахнула, прижав ладони к губам, и во все глаза уставилась на парня.

— Батюшки... Да как же так? Вот так сразу, с порога? — запричитала она, всплескивая руками. — Мокрые оба, в иле, чумазые, посреди ночи купальской! Не дело это, Богданушка, ох не дело! Кто ж так сватается? Ни сватов не заслал, ни родителям твоим не ведомо...

Однако отец Любавы прикрикнул на жену, призывая к порядку, и подошёл к парню вплотную. Строгий, повидавший

виды плотник долго всматривался в лицо молодого кузнеца, словно пытался прочесть его истинные мысли.

— Смелое слово, Богдан, — медленно произнес Степан. — Но уверен ли ты в своём выборе? Дочка у меня, сам знаешь, особенная. Молчит вечно, дичится людей, в хороводах не кружится. С ней тяжело в хозяйстве будет, община на неё косо смотрит. Потянешь ли такую ношу?

Вместо ответа Богдан повернулся к Любаве. Прямо при её родителях, нарушая все чинные обычаи, он опустился перед ней на одно колено, взял ее свободную, леденящую руку в свои горячие ладони и крепко сжал. В его взгляде было столько нежности и непреклонной силы, что у Любавы перехватило дыхание.

— Люблю я её, дядька Степан. Давно уже люблю, — глухо, из самой глубины сердца отозвался Богдан. — Давно сердце по ней мается, извелся весь, да ждал только, пока созреет, пока время придёт. Душа у меня болит, когда её рядом нет. Оберегать её буду пуше глаза своего. Никогда в обиду не дам — ни людям, ни нечисти речной. И никому другому прикоснуться к ней не позволю, пока дышу.

Любава смотрела на него, и внутри неё, растапливая могильный холод коралловых бус, разливалось удивительное, спасительное тепло. Она сильнее сжала его пальцы, впервые в жизни чувствуя себя в полной, абсолютной безопасности.

Отец Любавы посмотрел на их сцепленные руки и довольно, одобрительно кивнул. На его суровом лице впервые за

вечер промелькнула тень уважения.

— Хорошо сказано. По-мужски, — одобрил плотник, хлопнув Богдана по плечу. — Приходи завтра на рассвете, как солнце из-за леса покажется. На всю деревню, перед старейшинами клятву дашь, коль уверен в своём слове. По-нашему, по закону всё сделаем.

— Уверен, — твёрдо отозвался Богдан.

Он поднялся, нежно улыбнулся Любаве, отчего её щёки снова опалило густым девичьим румянцем, а затем низко, в пояс поклонился её родителям.

— Доброй ночи вам. Ждите на рассвете.

Дверь за ним захлопнулась, унося с собой запах кузнечного дыма и тепла. В избе снова стало тихо, но это была уже другая тишина — лёгкая, предвещающая новую жизнь. Матушка подбежала к Любаве, крепко прижала её к себе, невзирая на мокрую ночнушку, прилипшую к телу речную грязь и запах тины. Она целовала дочь в макушку и плакала теперь уже от облегчения.

— Бог смиловался... — шептала старуха, качаясь из стороны в сторону, словно баюкая младенца. — Смиловался над нами Господь, Любавушка! Такого парня тебе послал... Первого на деревне. Защитит он тебя, укроет от всех бед. Смиловался...

Любава уткнулась носом в теплое мамино плечо, а свободная рука её, спрятанная под платком, все сильнее сжимала алые кораллы.

Глава 7

Клятва на площади и яд старосты

Утро после купальской ночи выдалось ясным, но прохладным. Плотный речной туман долго не хотел уходить с низин, цепляясь клочьями за ракитовые кусты у Чёрного ому-та. Любава проснулась ни свет ни заря. Всю ночь, стоило ей сомкнуть веки, её терзали липкие, удушливые кошмары. Ей чудился далёкий девичий плач, шуршание камыша под лавкой и тихий, настойчивый шёпот, доносившийся будто из самой глубины половиц. Невидимый голос звал её по имени, умолял вернуться к воде и просил надеть бусы.

Девушка поднялась с постели с тяжёлой головой. Разум её противился, но руки словно жили своей волей. Достав из-под подушки леденящие кораллы, Любава подошла к кадучке, тщательно отмыла их от речного ила и болотной тины. В чистой воде кораллы вспыхнули ярким, кроваво-алым цветом. Любава сама не понимала, зачем подчиняется чужому зову, но аккуратно надела ожерелье на шею, спрятав его глубоко под ворот холщовой рубахи. Камни тут же обожгли кожу могильной стужей, но странно — дрожь улеглась, уступив место пугающему спокойствию.

Матушка, сияя от счастья, крутилась вокруг дочери, заплетая ей густую медовую косу.

— Ну-ка, выпрямись, Любавушка, — ласково приговари-

вала она, вплетая светлую ленту. — Сегодня великий день, Богдан придёт, как полагается. Вся деревня смотреть станет. Ты, главное, не дичись, дочка. Улыбайся, на людей поглядывай. Пусть видят, какая у нашего кузнеца жена красавица будет, а не молчаливица чуждая!

Любава лишь слабо кивнула, чувствуя, как под рубахой, прямо у сердца, тяжело покоятся бусы Млады.

Вскоре с улицы донёсся зычный, весёлый гул. Богдан шёл свататься, как велит древний обычай. Степан, отец Любавы, первым вышел на крыльцо, а за ним, робея и придерживая подол праздничного сарафана, ступила и сама девушка.

На большой деревенской площади уже собрался едва ли не весь честной народ. Завидев Любаву, Богдан замер на мгновение, ловко поправил ворот своей чёрной вышивной рубахи и открыто, с гордостью улыбнулся. Девушка от смущения тут же залилась густым румянцем и низко склонилась взгляд в землю, разглядывая мыски своих праздничных поршней.

Богдан, полный решимости и удали, шагнул в самый центр площади. Его сильный, зычный голос раскатился над толпой, зазывая народ в свидетели:

— Слышь, люди православные! Чернореченцы! Перед всем миром, перед землёй и небом стою!

Он повернулся к отцу Любавы, почтительно склонив голову, но глядя прямо и твёрдо:

— Дядька Степан, перед лицом твоим и перед всей об-

щиной клятву даю! Верой и правдой Любаву любить буду, беречь пуще глаза своего, от любой беды закрывать, покуда кровь в жилах моих горячая бежит! Позволь взять дочь твою в жёны, отпусти в мою избу хозяйкой!

Степан довольно улыбнулся, огладил густую бороду и зычно ответил:

— Быть по-твоему, Богдан! Кузнец ты честный, парень надёжный. Забирай мою дочку, владей её сердцем!

Толпа вокруг одобрительно загудела. Мужики принялись хлопать Богдана по плечам, девки завистливо зашептались, а матушка Любавы тихонько заплакала в передник от облегчения. Деревня приготовилась радоваться новому союзу.

Но праздничный гул оборвался мгновенно, словно подкошенный.

В центр площади, тяжело и властно ступая, вышел мужчина. Толпа перед ним расступилась в благоговейном страхе. Это был староста деревни — Ратибор. Его расшитая рубаха казалась безупречной, но лицо было хмурым, а липкий, тяжелый взгляд хищника впился прямо в Любаву. На его большом пальце зловеще тускнел золотой перстень с багровым камнем. Стоило Любаве взглянуть на это кольцо, как бусы на её груди раскалились до леденящей боли, заставив её затаить дыхание.

— Пойдите! — громовым голосом перебил Ратибор, поднимая руку и обрывая все клятвы. — Рано радуетесь, православные! Не бывать этой свадьбе. Нельзя брать эту девушку

в жёны!

На площади воцарилась тишина. Богдан набычился, сжав кулаки, и сделал шаг наперерез старосте.

— Это ещё почему, Ратибор Степанович? Венок выловлен, отец согласен, пред общиной клятва дана!

— А потому, парень, что негоже от людей правду скрывать, коль беда на порог пришла! — Ратибор повернулся к притихшей толпе, искусно напуская на лицо суровую скорбь. — Вчера в самую полночь, когда все у костров гуляли, я лично видел, как Богдан эту девку из реки вытаскивал. Из самого Чёрного омута! Меченая она теперь, люди. Помеченная самой русалкой, спасённая из её пасти! Млада её коснулась, душу её ледяным дыханием отравила. Не к добру это! Русалка обиды не прощает. Раз Любаву у неё отняли — река расвирепееет. Вместо неё она теперь за другой девицей придёт, коли уже не пришла!

Толпа испуганно ахнула. Мужики начали креститься, бабы в ужасе прижали к себе дочерей. Слова старосты падали на крестьянские души ядовитыми каплями.

И тут, словно в подтверждение его страшных слов, на самой окраине площади раздался истошный, надрывный бабий крик. Толпа расступилась, и все увидели бегущую, растрепанную женщину, которая рыдала в голос, разрывая на себе ворот платья:

— Горе! Горе-то какое, люди добрые! Доченька моя... Милослава моя... Пошла ночью к воде и воротилась! Постель

пустая, на окне тина речная! Забрала... Опять забрала река!

Ратибор медленно обернулся к Богдану и Любаве. На его губах на мгновение промелькнула едва заметная, торжествующая и злая усмешка. Он обвёл толпу тяжёлым взглядом и зловеще проговорил:

— Ну вот. Что я вам говорил? Забрала окаянная. Из-за вашей гордыни и чужого спасенья новая невинная душа на дно ушла.

Любава стояла ни жива ни мертва. Сердце её бешено колотилось, а спрятанные под рубахой бусы Млады кололи кожу так сильно, словно умоляли её вспомнить сны, которые этой ночью только-только начали стучаться в её сознание. Она смотрела на старосту и впервые чувствовала, что истинное чудовище стоит прямо перед ней, на залитой утренним солнцем площади.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.